

Корейский шаманизм: от традиции к перформансу

Ксения В. Лазарева

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия, k.lazareva@gs.nsu.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть корейский шаманский ритуал *Чхильморидан Ёндын Кут* в контексте традиционной корейской философии.

На материале оригинальных источников автором предпринята попытка историко-философского анализа корейского шаманизма как части древней религии корейцев, сочетающей в себе общие шаманские воззрения с конфуцианскими, буддийскими и даосскими понятиями. Согласно современным представлениям корейцев, в современной Республике Корея шаманизм превратился в один из национальных брендов, его продвижение на внутренние и внешние рынки стало одной из государственных задач Республики Корея; были инициированы программы по сохранению и популяризации культурного наследия, среди которых важное место занимает шаманизм.

Настоящая статья посвящена, прежде всего, корейскому шаманскому ритуалу в честь духов ветра, дождя и моря – *Чхильморидан Ёндын Кут* (Jeju Chilmeoridang Yeongdeung gut). В 2009 г. ритуал был включен в список нематериальных объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Сегодня ритуал исполняется приглашенными шаманами с материка на другом диалекте и не несет сакрального значения в глазах местных жителей. В результате шаманизм становится элементом, ориентированным на туристический бизнес.

Автор пытается выявить, что стало причиной десакрализации ритуала, и приходит к выводу, что практика сохранения культурного наследия оборачивается его нивелировкой, когда форма начинает доминировать над содержанием, а ритуал становится перформансом.

Ключевые слова: шаманизм, перфоманизация, Республика Корея, Чхильморидан Ёндын Кут, десакрализация

Для цитирования: Лазарева К.В. Корейский шаманизм: от традиции к перформансу // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 155–164. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-155-164

Korean shamanism. From tradition to performance

Ksenia V. Lazareva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, k.lazareva@g.nsu.ru

Abstract. The article takes an attempt to review the Korean shamanic ritual *Jeju Chilmeoridang Yeongdeung gut* in the framework of the traditional Korean philosophy.

Original sources are used to analyze the historical and philosophical aspects of the Korean shamanism as a part of the ancient religion of the Koreans, which includes common shamanistic views along with Confucian, Buddhist, and Taoist concepts. As far as we can judge based on the contemporary worldview, shamanism in the modern Republic of Korea has turned into one of the national brands, and the government of the Republic of Korea has made its promotion to internal and external markets a national goal. Different programs were have initiated in order to preserve and popularise the cultural heritage, of which the shamanism is an important part.

First of all, this article reviews the Korean shamanic ritual in honor of the spirits of wind, rain, and sea – *Chilmeoridang Yeongdeung gut*. In 2009, the ritual was included in the UNESCO Intangible Cultural Heritage List. Today, the ritual is performed by invited shamans from the mainland in a different dialect and does not possess a sacred significance for the locals.

As a result, the shamanism becomes an enterprise aimed at tourists. An attempt is made at discovering what caused the ritual's desecration. The conclusion is drawn that the practice of cultural heritage preservation devolves into its profanation: the form starts to take over the content, and the ritual becomes a performance.

Keywords: shamanism, becoming a performance, Republic of Korea, Chilmeoridang Yeongdeung gut, desecration

For citation: Lazareva KV. Korean shamanism. From tradition to performance. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;9:155-64. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-155-164

Введение

Шаманизм, как одна из ранних форм религии, известен в Корее с глубокой древности и был в течение многих веков господствующей религиозной идеологией. Шаманские практики, сформировавшиеся в рамках традиционной корейской культуры, сохраняют свое значение до современности, переплетаясь с конфуцианскими, буддийскими и даосскими воззрениями. Так, одним из крупнейших фестивалей коллективного моления духам, в рамках которого проводятся красочные шаманские камлания, является ритуал *Чхильморидан Ёндын Кут*.

Значение ритуала *Чеджу Чхильморидан Ёндын Кут* для верований корейцев изучал ученый-кореевед Кён Сольсон. Автор рассматривает дух Ёндын как социально значимую единицу ритуала, подчеркивая существование различных вариантов мифов о происхождении духа [1 с. 84–97]. Также ценным источником для изучения этого ритуала являются материалы, собранные американским этнографом Тимоти Р. Тангерлини во время полевых исследований на о. Чеджудо. Полевой материал Тангерлини дает возможность понять, что шаманский ритуал *Чхильморидан Ёндын Кут* играл роль внутриэтнической границы, отражая сложные процессы этно- и культурогенеза жителей о. Чеджудо.

Шаманизм в Республике Корея

Предполагают, что корейский шаманизм (кор. 무속) сформировался в эпоху Трех Государств (I в. до н. э. – IV в. н. э.). В XIV в., когда конфуцианство стало играть роль государственной идеологии, шаманизм стал постепенно исчезать из жизни правящих сословий и стал религией простолюдинов. Вместе с тем исторические записи этого периода показывают, что черты этой народной религии прослеживаются на всем протяжении истории позднего Силла, Корё и Чосон. В конце XIX в. корейская королева Мин сделала попытку возродить шаманизм как национальную религию, а шаманам вернуть их почетное положение, для чего она даровала им право находиться во дворце и присвоила им высокий титул [2 с. 161]. После дворцового переворота в 1895 г., когда королева Мин была убита, шаманы были изгнаны из страны, и шаманство вновь оказалось на положении полуполюгального культа. В середине XIX в. число шаманов достигало 5 тыс. человек.

В период японской оккупации (1910–1945 гг.) шаманские практики были названы «суевериями», они активно притеснялись япон-

скими властями с целью идеологического подавления национальной культуры и этнической самобытности [2 с. 424]. После освобождения японской оккупации интерес к древней народной религии стал расти, однако в 1970-е гг. реформистские националистические организации вновь отчаянно критиковали шаманизм и развернули кампанию по его искоренению, вышедшую далеко за пределы о. Чеджудо, что привело к решению запретить проведение шаманских ритуалов в деревнях острова [3 с. 223–245]. Однако в 1930 г. зарегистрированных шаманов насчитывалось 12 тыс. человек.

В середине XX–XXI вв. шаманизм сохраняет свое значение в качестве актуальных сакральных культурных практик. Несмотря на политические и социокультурные трансформации, шаманизм сохранял свое значение в Республике Корея: в конце XX в. здесь были официально зарегистрированы более 40 тыс. шаманов.

В современной Республике Корея шаманизм превратился в один из национальных брендов, его продвижение на внутренние и внешние рынки стало одной из государственных задач Республики Корея; были инициированы программы по сохранению и популяризации культурного наследия, среди которых важное место занимает шаманизм. Шаманы имеют самый высокий статус; они активно участвуют в праздничных и фестивальных мероприятиях [4 с. 185].

Шаманское камлание Чхильморидан Ёндын Кут

Согласно народным верованиям корейцев, благополучие и счастье человека зависели от сверхъестественных сил (духов и демонов). Поэтому значительное место в жизни корейцев занимали ритуалы, направленные на умиротворение враждебных духов, для чего необходимо было заручиться поддержкой и помощью тайных сил и духов, прежде всего духов предков [2 с. 148]. Так, одним из крупнейших фестивалей коллективного моления духам, в рамках которого проводятся красочные шаманские камлания, является ритуал *Чхильморидан Ёндын Кут*.

Чхильморидан Ёндын Кут – это весенне-летний календарный ритуал в честь духов ветра, дождя и моря (бабушки Ёндын и Повелителя драконов) с целью испросить у них тихой воды во время путины и обильного улова, который с древности исполнялся в рыбацких деревнях во втором лунном месяце, а ныне проводится в алтаре *Чхильморидан* (кор. 칠머리당), в районе Конип-тон, г. Чеджу [5 с. 235–247]. Название ритуала восходит к названию алтаря *Чхильморидан*, где проводится ритуал.

Этногонический миф о духе Ёндын противопоставляет жителей о. Чеджудо внешним силам, повествуя о том, как дух спасает полную шлюпку рыбаков, пропавших в море во время шторма. Дух Ёндын заступается за моряков, тем самым принимая на себя роль защитника, которую торжествует ритуал по сей день. Так единение деревень по всему острову выражается через устную легенду, в то время как миф формирует основу для ритуала, в ходе которого участники проигрывают ключевые события.

Самое раннее свидетельство о ритуале обнаружено в географическом сочинении о Корее – «Описание земель и достопримечательностей Кореи» (кор. «Тонгук ёчжи сыннам»): «В первые дни февраля люди в деревнях вбивают в землю двенадцать деревянных столбов, приветствуя дух ветра и принося ей жертвоприношения. Люди в деревнях мастерят плоты в виде головы лошади, украшают их красочными тканями, развлекают дух, проводя шаманские камлания. Такой ритуал носит название Ёндын кут и заканчивается 15-го числа второго лунного месяца...» [6 с. 1–10].

Принято считать, что поначалу рыбаки о. Чеджудо проводили этот ритуал, однако в ходе культурного синтеза женщины-ныряльщицы *хэнё* стали основными участницами ритуала¹. Во время кута они готовят пищу и совершают подношения духам. Ритуал формирует у *хэнё* чувство общинной солидарности [7 с. 12–14]. Так трудовая община также выполняет функцию ритуальную, в которой корейцы сумели сохранить систему религиозных верований, отчетливо отражавших их хозяйственный цикл. В результате само существование *хэнё* помогает поддерживать ритуал *Чхильморидан Ёндын кут*.

Ежегодный календарный обряд имеет 8-ступенчатый порядок, который описан в книге, опубликованной Ассоциацией сохранения ритуала (далее по тексту – Ассоциация). Ритуал начинается с церемонии «приветствия духов» (кор. 초감제), которая проводится в первый день второго лунного месяца. Церемония «приветствия» начинается с приглашения духов к алтарю и перечисления имен участников ритуала, сопровождаемая вступительным словом и церемонией «просьбы о хорошем улове». Далее следует церемония «входа в святилище» (кор. 본향뚝), когда шаман обращается к духам с просьбой о мире и спокойствии в деревне. Затем *хэнё* совершают главное символическое действие ритуала – подношение жертвен-

¹ Корейским словом *хэнё*, которое означает «морская женщина» (кит. 海女), называют профессиональных ныряльщиц, собирающих морепродукты и не использующих специальных снаряжений.

ных блюд и воды перед деревянным шестом, рассматриваемое как священный акт приношения духу Ёндын и Повелителю драконов, чтобы духи принесли своевременные и обильные дожди. В это время учениками главного шамана исполняется представление с подбрасыванием вверх традиционных корейских рисовых лепешек (кор. 추물공연). Далее следует церемония «приветствия Повелителя драконов» (кор. 요왕맞이), которая проводится специально в честь Повелителя драконов и духа Ёндын, с просьбой у них богатого улова и безопасности в море для рыбаков. Следующий этап носит название «Разбрасывание семян» (кор. 씨드림), во время которого женщины-ныряльщицы *хэп* разбрасывают просо, в то время как шаман предсказывает, насколько хорошим будет морской улов (кор. 도액막음). В заключение разыгрывается трехактная пьеса *ёнгам нори* (кор. 영감놀이), в которой глава деревни запускает в море соломенную лодку. После ритуал завершает церемония «прощания с духами» (кор. 도진) [8 с. 73].

От ритуала к перформансу

В XIX в. традиционный ритуал перестает выполнять прежние функции и утрачивает свой сакральный характер. В настоящее время ритуал больше ориентирован на туристический бизнес [1 с. 84–97]. На десакрализацию ритуала также указывает и Бендикс: «Местные и государственные руководящие органы власти используют ритуал в качестве инструмента повышения экономической валентности острова» [9 с. 264].

Пик процесса десакрализации ритуала приходится на рубеж нового тысячелетия, характеризуемый вытеснением «старых», традиционных элементов «новыми», превратившими ритуал в некий «культурный товар». Так, специфика «новой» обрядности раскрывается в шаманских напевах, исполняемых приглашенными шаманами с материка на другом диалекте, который не несет сакрального значения в глазах местных жителей. Этот диалект настолько своеобразен, что кореец с материка не может понять носителя этого диалекта [10 с. 124]. Более того, для людей, которые владеют диалектом, ритуал вместе с шаманскими песнопениями является символом внутриэтнических различий.

Вслед за включением ритуала в список нематериальных объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, появились такие «приметы времени», как соперничество внутри шаманских групп за право быть признанными носителями культурного насле-

дия [4 с. 186]. Конфликт возникает с того момента, как носитель должен назначить официального преемника. Традиционно в Северо-Восточной Азии существовало несколько путей становления шаманом: 1) наследственная передача шаманской профессии; 2) «избранничество» духом; 3) по собственному желанию [2 с. 165]. Сегодня в Республике Корея участились случаи, когда носителями среди шаманских групп становятся по распоряжению Комитета культурного наследия. Последние, однако, считаются более слабыми, чем те, кто унаследовал эту профессию наследственно. В связи с этим потомственные шаманы почти исчезли, численность же шаманов, которые выбирают эту профессию по собственному желанию или по экономическим мотивам, увеличилась. Известно, что носители культурных традиций получают права на обучение последователей, а также материальную компенсацию за исполнение ритуалов и стабильные выплаты пенсий. В конечном счете это может привести к вымиранию самобытного шаманизма в Республике Корея [4 с. 187].

Ритуалу старательно придают характер перформанса, освобождая его от немногих оставшихся «архаических элементов» традиционной ритуальной системы. Так, не могло не оказать влияния избрание Республики Корея местом проведения чемпионата мира по футболу в 2002 г., во время которого каждому из десяти корейских городов, принимавших турнир, было предложено организовать фестиваль под общим названием «Живой фестиваль в Корее 2002». На о. Чеджудо было организовано проведение шаманского ритуала *Чхильморидан Ёндын Кут*. Для зрителей, незнакомых с ритуалом, Ассоциация подготовила книгу о ритуале, в которой были записаны ритуальные песни шамана и подробно описана история ритуала и ход церемонии. Ассоциация также распространяла бесплатные буклеты с основными тезисами книги на корейском, английском и японском языках.

Как известно, сакральное пространство ритуала традиционно было связано с весенним календарем, однако в этот раз проведение ритуала было приурочено к датам проведения чемпионата мира по футболу, невзирая на ритуальный календарь острова. Исходя из необходимости соблюдать регламент, ритуал был закончен в короткий срок, а шаманам приходилось опускать важные элементы ритуала в ущерб традициям. Например, монотонные песнопения во время игры на барабанах были отменены, однако визуальные и театральные элементы были усилены и драматизированы. Таким образом, сакральное значение ритуала, приняв новый формат, становится элементом, ориентированным на туристический бизнес.

Возвращаясь к вопросу о роли, месте и значении *Чхильморидан Ёндын Кут* в социокультурной жизни современного корейского общества, следует остановиться на демонстрации ритуала в культурных центрах. Ассоциация приложила немалые усилия для того, чтобы привлечь различную публику на просмотр «товаров культурного наследия» [9 с. 255–258]. Билеты распространялись по очень низкой цене, а иностранным туристам даже предлагалась скидка в 20% на билет авиакомпании Korean Air для посещения Республики Корея. В рекламных объявлениях, в СМИ сообщалось: «Погрузитесь в атмосферу ритуала *Чхильмёри Ёндын Кут* в Сеуле» [1 с. 84–97]. На деле оказалось, что довольно маленький зал, выделенный для проведения ритуала в Сеуле, был заполнен лишь наполовину, а большинство зрителей выглядели отрешенными. Они пытались понять, что происходит на сцене, читая цифровые субтитры. В момент, когда публика должна была исполнять танец с шаманом на сцене, большинство зрителей не покидали своих мест. Эта странная сцена резко контрастировала с тем подъемом энтузиазма, который вызывал ритуал раньше, когда шаманы следовали традиционным канонам.

В феврале 2013 г. администрация о. Чеджудо объявила о своем плане построить два новых зала для проведения обучающих семинаров, выставок и спектаклей, посвященных *Чхильморидан Ёндын Кут*. Эти сооружения как этнонациональный проект призваны сохранить ритуал как элемент традиционной культуры, придав импульс развитию художественных промыслов, национальных ремесел, сувенирного производства, этнического туризма, восходящих к шаманскому ритуалу. Положительным фактором является также и то, что Ассоциация планирует выделить отдельные залы для экспонирования снимков и объектов, связанных с символикой ритуала.

Заключение

В условиях современных реалий объекты культурного наследия используются в туристических целях или как коммерческий продукт. Наметилась тревожная тенденция доминирования в ритуальном нарративе неофольклорной перфоманизации, где ритуальное действие нивелируется, а ритуал становится перформансом. В Республике Корея эта проблема также присутствует в полной мере, при этом она имеет специфические характеристики, обусловленные тем, что эксперты, изучающие шаманизм, равно

как и сами шаманы, на практике готовы способствовать этому процессу. Эффект от коммерциализации, однако, нельзя назвать полностью негативным, если речь идет о шаманизме в Республике Корея. Ранее существовало неприятие шаманов в корейских обществах, шаманы считались нечистыми, общения с ними избегали. Сегодня ситуация изменилась – шаманизм становится узнаваем как один из видов искусства, будучи признанным нематериальным культурным наследием в противовес более раннему положению шаманизма в обществе.

Литература

1. *Tangherlini T., So Yong Park.* Comings and Goings of a Korean Grandfather: The Yongdong Kut Sequence of a Cheju Island Village // *Korean Studies.* 1990. Vol. 14. P. 84–97.
2. *Ионова Ю.В.* Шаманство в Корее: XIX – начало XX в. // Ионова Ю.В. Этнография Кореи: Избранные статьи. М.: Первое марта, 2011. 424 с. (Российское корееведение в прошлом и настоящем)
3. *Maliangkay R.H.* Handling the Intangible: The Protection of Folksong Traditions in Korea // *Asian Folklore Studies.* 2002. Vol. 61. P. 223–245.
4. *Yang Jongsung.* Korean Cultural Property Protection Law with Regard to Korean Intangible Heritage // *Museum International.* 2004. Vol. 56. P. 180–188.
5. *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 648 с.
6. Convention on the safeguarding of the intangible cultural heritage: Nomination for inscription on the Representative List in 2009 (Reference No. 00187) [Электронное издание] // UNESCO. 2009. P. 1–10. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/ITH-09-4.COM-CONF.209-13-Rev.2-EN.pdf> (дата обращения 20 авг. 2018).
7. *Чхорин Ю.* Прошлое и настоящее хэнь острова Чеджудо // *Koreana.* 2014. Vol. 10. С. 12–14.
8. 문무병, 이명진 [*Мун Мунён, Ли Мёнджин*]. 제주 칠머리당영등굿 (중요 무형 문화재 제71호) [Чеджу чхильморидан ёндын кут (Культурное наследие. № 71)]. 국립문화재연구소: [2008. 268 p.]
9. *Bendix R.* Heritage between Economy and Politics: An Assessment from the Perspective of Cultural Anthropology // Bendix R., ed. *Intangible Heritage.* London; New York: Routledge, 2009. P. 253–269.
10. *Han Minho.* The Year of Jeju Folklore – Reviving the Cultural Heritage of Nature’s Paradise // *International Journal of Intangible Heritage.* 2007. Vol. 2. P. 118–121.

References

1. Tangherlini T., So Yong Park. Comings and Goings of a Korean Grandfather: The Yongdong Kut Sequence of a Cheju Island Village. *Korean Studies*. 1990;14:84-97.
2. Ionova YuV. Shamanism in Korea 19th – the beginning of the 20th century. V: Ionova YuV. *Ethnography of Korea. Selected articles*. Moscow: Pervoe marta Publ.; 2011. 424 p. (Rossiiskoe koreevedenie v proshlom i nastoyashchem.) (In Russ.)
3. Maliangkay RH. Handling the Intangible: The Protection of Folksong Traditions in Korea. *Asian Folklore Studies*. 2002;61:223-45.
4. Yang Jongsung. Korean Cultural Property Protection Law with Regard to Korean Intangible Heritage. *Museum International*. 2004;56:180-88.
5. Simbirtseva TM. The Lords of Old Korea. Moscow: RGGU, 2012. 648 p. (In Russ.)
6. Convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage: Nomination for inscription on the Representative List in 2009 (Reference No. 00187) [Internet]. UNESCO. 2009. P. 1–10. [data obrashcheniya 20 Aug.2018]. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/ITH-09-4.COM-CONF.209-13-Rev.2-EN.pdf>
7. Chkhorin Yu. The past and the present Hanju of Jeju Island. *Koreana*. 2014;10:12-4. (In Russ.)
8. 문무병, 이명진. 제주 칠머리당영등굿 (중요 무형 문화재 제71호). (In Korean)
9. Bendix R. Heritage between Economy and Politics: An Assessment from the Perspective of Cultural Anthropology. V: Bendix R., ed. *Intangible Heritage*. London: New York: Routledge Publ.; 2009. p. 253-69.
10. Han Minho. The Year of Jeju Folklore – Reviving the Cultural Heritage of Nature's Paradise. *International Journal of Intangible Heritage*. 2007;2:118-21.

Информация об авторе

Ксения В. Лазарева, аспирант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; Россия, Новосибирск, 630090, ул. Пирогова, д. 1; k.lazareva@g.nsu.ru

Information about the author

Ksenia V. Lazareva, postgraduate student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russia; k.lazareva@g.nsu.ru